

Т. ПАРСОНС, Р. БЕЙЛЗ, Э. ШИЛЗ

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ*

**Глава 5. ФАЗОВОЕ ДВИЖЕНИЕ В СВЯЗИ С МОТИВАЦИЕЙ,
ОБРАЗОВАНИЕМ СИМВОЛОВ И РОЛЕВОЙ СТРУКТУРОЙ****
(Толкотт Парсонс, Роберт Ф. Бейлз, Эдвард А. Шилз)

VII. Процесс уравнивания и механизмы социального контроля

Опираясь на соображения, рассмотренные в предыдущем параграфе, мы можем дать теперь значительно более точное и техничное, чем раньше, описание процесса взаимодействия в его связях с равновесием системы.

Мы полагаем, что в любой данной точке процесса, выбранной как «исходное состояние», система будет иметь «структуру». Она будет состоять из множества единиц, дифференцированных как в плане «конфигурации» их орбит, так и в плане фазы, в которой они в данный момент находятся. Будет общая культура, [состоящая из] символических значений и их паттернов, особенно ценностных паттернов. Эти значения будут включать как качества объектов, так и установки. Благодаря последним, система будет работать на некотором уровне интеграции, проявляющемся в солидарности членов — их взаимном принятии друг друга в соответствующих ролях.

Предположим далее, что некий член, исполняя один или серию актов ориентации, инициирует процесс ориентации на задачу. Как показано на рис. 4, это ведет к увеличению адаптивных (А) компонентов в его поведении, в то же время сокращая некоторые компоненты, характерные для каждой из трех других фаз. Это вводит напряжение, [толкающее] в сторону нейтральности и универсализма и уменьшающее тем самым состояние его интегрированности с членами его системы, поскольку при

* Последняя глава книги. Предыдущие главы см. в Т. 6 (Вып. 1-2), Т. 7 (Вып. 1-4). Перевод выполнен по источнику: *Parsons T., Bales R.F., Shils E.A. Working Papers in the Theory of Action.* N.Y., L., 1953. P. 163-269.

** Продолжение публикации. Начало главы см. в Вып. 1-4 за 2007 г.

этом минимизируются аффективность и партикуляризм, характерные для поведения, интегрирующего систему. В то же время спрос на реакцию согласия с его стороны повышается, поскольку вход мотивации в систему, осуществляющийся через его акт ориентации, еще не сбалансирован выходом GRATIFICATION или удовлетворения.

В то самое время, когда эго изменяет орбиту своего фазового движения и ускоряет тем самым, хотя бы на миг, наступление состояния неравновесия системы, соответствующее изменение происходит и для альтер. Во-первых, действие эго изменяет ситуацию альтер: он сталкивается с когнитивной, или информационной проблемой понимания того, что произошло, [проблемой] оценки и [проблемой] того, что явным образом сделать. Во-вторых, меняется мотивационное значение ситуации, и он сталкивается с установочной проблемой: он должен как-то отреагировать.

Реакция альтер, как мы понимаем, будет иметь и инструментальное, и экспрессивно-символическое значение, но он может менять относительные акценты.

Он может ответить актом согласия или несогласия, что будет также и применением санкции одобрения—неодобрения. Следствием становится либо ускорение действия эго в направлении, инициированном изменением уровня удовлетворения эго, либо его замедление, либо, в случае резкого несогласия, возможно, полное его прекращение.

Позитивное согласие альтер, предположительно, ведет к оставлению эго инициативы для [исполнения] дальнейших актов ориентации, мнения или предложения. Несогласие альтер, в свою очередь, обычно вызывает переход инициативы к альтер или третьему лицу (повышая у эго уровень напряжения в ответ на санкцию), с вероятностью обращения к [выражению] мнения для обоснования несогласия.

Реакция альтер могла бы, однако, принять и другую форму, а именно: продолжения [деятельности] в том же направлении (см. прим. 1). В этом случае он мог бы выразить свое неявное согласие с эго позитивным актом внесения лепты (contributory act), следуя указанию эго, которое, вероятно, регистрировалось бы как акт ориентации или предложения либо, возможно, как благосклонное мнение, предупреждающее предвосхищаемые разногласия. Можно, однако, предположить, что акты внесения лепты, следующие указанию инициатора, обычно следует рассматривать как включающие, по крайней мере, компонент согласия.

С другой стороны, если реакция альтер разворачивается в негативном направлении и акт блокирует инициированную эго линию [действия], то этот акт эквивалентен акту несогласия и учитывается в качестве такового в методе Бейлза, как тот определился на данный момент. Тогда

встает вопрос, какая линия действия лучше всего отвечает нормативным требованиям адаптивной фазы. Несогласие могло бы подтолкнуть это к усилению или возобновлению прежде инициированного акта ориентации; либо, если уровень напряжения дорос до точки, когда ориентация на задачу не может более поддерживаться, оно могло бы быть отдано на «суд» мнению; либо мог бы установиться антагонизм, входящий в порочный круг.

Понадобилось бы слишком много места для попытки провести этот тип анализа через все фазы, но нужды в этом нет (см. прим. 2). Мы можем прямо перейти к некоторым общим соображениям. Первое такое соображение состоит в том, что каждый акт в процессе взаимодействия, если только он совершенно не «игнорируется» и не укладывается четко в русло стабильного состояния, ставит других акторов перед «проблемами» *как* в когнитивном, *так и* в катектическом смысле. Существование проблемы, в этом смысле, означает, что для различных альтер в системе существует не устраненное неравновесие между соответствующими факторами входа—выхода, и до тех пор, пока не проявятся «реакции», ведущие к устранению этого неравновесия, система не восстановит свое прежнее равновесное состояние. И наоборот, последствия реакции альтер для эго влияют на его собственный баланс входа—выхода через проанализированные нами каналы.

Каждое «действие», не укладывающееся идеально в русло стабильного состояния или в диапазон допустимых отклонений в любую сторону от этого русла, конституирует в какой-то степени случай девиации; оно заключает в себе небольшое отклонение в ту или иную сторону от баланса, требующегося для равновесия, и может быть проанализировано в терминах трех измерений девиантности, которые мы обсуждали выше: «активность—пассивность», «конформность—отчуждение» и «акцент на паттерне *versus* на социальном объекте, или катектический акцент». В каждом случае, в какой бы фазе своей орбиты ни находилась единица, эту девиантность можно будет определить в терминах избытка или дефицита в одной или более из этих трех категорий соответствия ожиданию, конститутивному для стабильного состояния. Функция реакций как санкций состоит, следовательно, в подкреплении интернализированных паттернов, ориентированных на соответствие ожиданиям, а там, где этих интернализированных паттернов не существует или они недостаточны, — в противодействии этому девиантному компоненту и восстановлении баланса. Если имеет место избыточный вход мотивации, аллоцируемой в данном направлении, т.е. девиация происходит в терминах «активности», то санкция должна отнять часть мотивации, аллоцированной в дес-

стабилизирующее направление, что, как мы видели, делается осуждением инструментальных действий. Если имеется недостаточный вход мотивации, т.е. девиантность пассивна, то она должна добавить мотивации посредством поощрения или содействия сотрудничеству.

Если мы имеем девиантную тенденцию в направлении отчуждения, т.е. к избыточному входу негативных типов экспрессивной коммуникации, то санкция—реакция должна дополнительно стимулировать конформность. Если, например, при нахождении системы в инструментальной фазе отчужденный индивид склонен к преждевременной gratification, невзирая на адаптивные соображения, осуждение со стороны альтер, реализуясь через несогласие и, возможно, неблагоприятное мнение, будет, в нормальном случае, лишать эго удовлетворения в его консумматорном исполнении. Следовательно, любая прибавка в gratification перевешивается утратой удовлетворения. С другой стороны, если имеется девиация в сторону компульсивной конформности стандартам достижения, выправлению баланса могут содействовать согласие, поощрение, демонстрация солидарности или подталкивание к снятию напряжения, т.е. предоставление эго возможности отказаться от чрезмерно сильного катексиса определенных стандартов, скажем, от «преувеличенной скрупулезности», в пользу более смелого направленного на цель исполнения.

Так же обстоит дело с девиантностью и с точки зрения баланса между акцентом на паттерне и акцентом на персоне. Мы могли бы сказать, что ориентированный на паттерн девиант слишком чуток к тому, что он считает требованиями альтер к его исполнению, или ожиданиями в отношении него, а ориентированный на персону девиант слишком чувствителен к реактивным санкциям альтер: согласию—несогласию, солидарности—антагонизму и т.д. В первом случае баланс мог бы быть восстановлен путем повышения альтер частоты его позитивных реакций и понижения им частоты деятельности, ориентированной на задачу, и негативных санкций; во втором — путем понижения им частоты всех типов санкций и интенсификации деятельности, ориентированной на задачу.

В сущности, этот процесс уравнивания в случаях, когда серьезной девиантности не существует, эмпирически анализируется Бейлзом в главе 4. Прежде всего, отметим, что процесс уравнивания, как он анализируется [нами], совместим и с процессами исполнения, и с процессами научения, непрерывно продолжающимися в системе. Единственное условие таково, что изменения, вызываемые этими процессами, должны быть относительно постепенными и не превосходить способность системы к продолжению самоуравнивания (self-equilibration) с помощью этих «нормальных» адаптивно-наладочных механизмов.

Еще один узел проблем возникает в связи с тенденциями к развитию «порочных кругов» девиантности и теми механизмами, которые могут их контролировать. Последние суть «механизмы социального контроля».

О проблеме порочного круга достаточно будет нескольких слов, так как мы уже обсуждали ее подробно в главе 7 «Социальной системы». Здесь в кратком ее обзоре мы можем сосредоточиться на понятии ожиданий. Выше мы определяли фрустрацию как «нормальную» реакцию на неисполнение ожиданий. Также мы утверждали, что реакция на фрустрирующее событие с необходимостью имеет амбивалентную структуру. С одной стороны, есть тенденция к восстановлению состояния, которое существовало бы в случае, если бы такого отклонения от ожиданий не было; с другой стороны, есть тенденция к девиантному реагированию в ответ на навязанное фрустрацией напряжение. В зависимости от состояния системы, девиантность может быть активной или пассивной, связанной с отчуждением или конформностью, с акцентом на паттерне или на персоне либо какой-то результирующей этих трех [параметров].

Еще одно следствие связано с количественным балансом входов и выходов. Инерция дает нам презумпцию продолжения [движения] единицы в том же направлении. Но воспроизводство стабильного состояния системы, как мы видели, зависит не только от энергии и паттерновой направленности самой единицы, но и от продолжающихся входов из других единиц системы: входов мотивации через экспрессивную коммуникацию, как то поощрение и вносящее лепту исполнение, и входов информации и нормативного контроля через мнение. Эти входы могут быть дефицитными или чрезмерными. То, что мы определили как фрустрацию, есть, стало быть, *либо* дефицит, *либо* избыток в одном или более классах входов, от которых зависит процесс единицы в соответствующей фазе ее орбиты. *Важнее всего* ясно понять, что фрустрирует отклонение от ожидания в *любую* сторону: не только недостаток вознаграждения или поощрения, но и их избыток. Эту основополагающую идею, похоже, впервые ясно сформулировал Дюркгейм в своем истолковании аномического самоубийства.

Сохранение равновесия требует относительно быстрого и соразмерного исправления дисбалансов этих дефицитов или избытков либо посредством санкционирующей деятельности альтер, либо через мобилизацию ресурсов из других частей системы личности эго или из системы объектов, внешней по отношению к личности или социальной системе. Если не происходит этого балансирования в некоторых пределах, которые должны быть определены эмпирически, девиантность эго стремится к кумулятивному нарастанию, с двумя наборами последствий. Во-пер-

вых, она «выходит» из фазы, в которой произошло исходное фрустрирующее событие, и начинает проникать в последующие фазы. Так, неадекватное поощрение или, еще более того, незаконное, но очевидное неодобрение в адаптивно-инструментальной фазе будут вести к нарастанию напряжений и к повышению мотивации на прямое достижение цели (goal-consummation) или снятие напряжения вопреки всяким адаптивным ображениям. В консумматорной фазе это будет иметь тенденцию уменьшать степень интеграции собственных целей эго с целями других единиц в системе; его предложения будут чрезмерно акцентированы на принуждении к принятию его «личной точки зрения»; в то же время будет расти его потребность в ответных вознаграждениях. Далее, в фазе системной интеграции, он будет предъявлять чрезмерные требования к солидарности и проявлять чрезмерную чувствительность к принятию [его другими]. На этом пути исходная фрустрация в сфере инструментального исполнения может развиваться в неизбежную фрустрацию потребности в принятии, которая будет нереалистической, ибо в терминах общей культуры она будет нелегитимной. Нормальное проявление солидарности может, таким образом, превратиться в антагонизм.

Второй ряд последствий вытекает из воздействия девиантности эго на ожидания альтер. В каком-то смысле, девиантный актер всегда предъявляет к другим чрезмерные требования; он затрудняет им такое реагирование, при котором их реакция была бы уравнивающей санкцией. Следовательно, если альтер не окажется способным мобилизовать дополнительные ресурсы терпения, а терпимость не соединится с готовностью отвергнуть требования эго, санкционирующие реакции альтер будут становиться все менее и менее адекватными для восстановления равновесия. Порочный круг в социальном взаимодействии становится виднее всего при взрыве взаимного антагонизма. Конечным результатом может быть полный распад группы.

Итак, мы видим, что если девиацию, возникшую из фрустрации, ничто не уравнивает, она имеет тенденцию множиться по всей системе в двух направлениях: в кумулятивной девиантности эго, пронизывающей все фазы действия этой частной единицы, и в девиантной реакции альтер, делающей санкции скорее менее, чем более эффективными. В этом последнем случае нужно иметь в виду, что санкция, которая была бы эффективной в ответ на ту небольшую девиантность, которую мы мыслим как «нормальную», перестает быть эффективной на более продвинутой стадии и, даже более того, может приобрести ровно противоположный эффект. Это и бывает при достижении стадии *реального* порочного круга.

Объяснение сути этого феномена кроется в амбивалентной структуре всех реакций на фрустрирующие переживания. Когда эта амбивалентность кумулятивна, она имеет следствием хронически высокие уровни напряжения, проявлением которых в личности оказывается тревога. По мере нарастания уровня напряжения, разрядка напряжения все более приобретает приоритет над другими альтернативными путями действия. Актор становится все более невосприимчивым к нормальным стимулам адаптивного и интегративного процессов и даже к возможностям достижения цели. Он склонен приносить свои идиосинкразические экспрессивно-символические значения в ситуации и, пожалуй, в первую очередь в социальные объекты, искажая тем самым то «определение ситуации», которое является частью общей культуры системы. Следовательно, действие все более тяготеет к превращению в неистовый процесс колебаний между [с одной стороны] чистым «отреагированием» напряжения в персонализированной символической форме (а не в форме достижения целей системы) и, с другой стороны, мотивированным тревогой чистым торможением того, что иначе было бы нормальной деятельностью (см. прим. 3).

Теперь мы можем значительно точнее, чем было возможно в главе 3, истолковать значение парадигмы процессов социального контроля Парсонса (см. «Социальная система», глава 7). Напомним, что изначально она была сформулирована в терминах процесса психотерапии, а затем обобщена и перенесена на другие процессы социального контроля. Напомним также, что эта парадигма состояла из четырех категорий: потворство, поддержка, отказ во взаимности и манипуляция вознаграждениями.

Истолковать эту парадигму легче, имея в виду разницу между ней и нормальными процессами уравнивания, рассмотренными нами выше. Она становится применимой, когда процесс порочного круга зашел далеко и нормальный процесс санкционирования утратил эффективность. Парадигма социального контроля релевантна при анализе реакций на систематическую девиантность, когда не какой-то особый тип действия в особой ситуации демонстрирует признаки девиантности, а генерализованная девиантность пронизывает несколько фаз и связей «действие—реакция» во взаимодействии или, по крайней мере, значительные их области. В нашем анализе мы будем и дальше пользоваться примером терапевтического процесса, поскольку в нем эти связи легче всего увидеть.

Начнем с *потворства* (permissiveness). Выше мы предположили, что кумулятивная девиантность сужает диапазон действия, повышая значимость чередования накопления латентного напряжения и снятия напря-

жения в фазе латентности. Отсюда можно заключить, прежде всего, что недееспособность пациента в других фазах стала столь значительной, а его потребность в снятии напряжения столь высокой, что блокировка этого выхода в степени, нормальной для равновесного социального взаимодействия, была бы вредна; она просто закрепляла бы порочный круг. Но терапевт, потворствуя, должен быть «способен принять это»; он должен каким-то образом контролировать собственные реакции, которые в ином случае были бы нормальным ответом на эту снимающую напряжение активность. Также он должен удерживать это снятие напряжения на символично-экспрессивном уровне, воздерживаясь от реакций, которые в ином случае были бы «уместными». Следовательно, потворство, по существу, есть способ предоставления пациенту возможности выразить себя в сферах, близких к его основным конфликтам и трудностям, такими способами, которыми ему легче всего это сделать.

Второй основной компонент паттерна — *поддержка*. Его значимость вытекает из только что упомянутого аспекта прогрессивного развития порочно-кругового процесса, а именно из того, что фрустрация ожиданий альтер, которая неизбежно подразумевается девиантностью, ведет к подрыву солидарности эго с другими. С точки зрения способности к нормальному поведению, это «дно» порочного круга, в силу стратегической важности для личностной системы потребности в принятии или в безопасности. Терапевт, следовательно, должен быть способен терпимо относиться к завышенным требованиям пациента и «принимать» его как человека; он должен образовать с ним солидарный коллектив, несмотря на то, что пациент ведет себя способами, которые в обычных социальных отношениях подрывали бы это принятие. Здесь мы видим одну из важнейших функций определения болезни как институционализированной роли; если человек болен, какое-то его поведение не будет, по правде говоря, вполне легитимированным, но оно может быть «простительным» как «понятное» в свете его заболевания.

Сосредоточение этих двух сторон социального контроля в социально-эмоциональной области действия говорит о многом. Механизмы контроля завладевают одним из аспектов порочного круга посредством того, что, так сказать, решительно сбивают цену, которую пациент должен платить за свою девиантность. Он не наказывается за девиантные экспрессии, сбрасывающие напряжение, которые бы в противном случае влекли наказание, получая в то же время поддерживающую солидарность, которую бы в противном случае его поведение разрушило. Но если бы процесс этим исчерпывался, то он с высокой вероятностью не был бы эффективным.

Третий компонент процесса – *отказ во взаимности*. Под этим мы, в сущности, имеем в виду отказ терапевта позволить снимающим напряжение экспрессивно-символическим продукциям, или «отреагированию», стать когнитивным элементом общей культуры отношения «врач–пациент» как социальной системы. Здесь необходимо помнить, что то, чем *является* (is) социальный объект как объект, *само по себе* есть продукт процесса действия. Деятельность, снимающая напряжение, никогда не бывает у пациента *только* таковой; она является еще и попыткой добиться принятия его определения ситуации. Если его предложение принимается, то, по стандартам более широкой социальной системы, врач и пациент становятся в соответствующей степени «партнерами по девиации» и начинают устанавливать девиантную субкультуру в противовес более широкой культуре. В свете этого мы видим важность сопротивления врача «контрпереносу», который установил бы ту взаимность, которой пациент домогается.

Желание навязать девиантные определения может иметь место в *любом* из трех основных направлений, которые мы обсудили, ограничиваясь лишь внутренними обстоятельствами терапевтической ситуации. Так, пациент может искать одобрения своей искаженной рационализации собственных инструментальных неудач: «Все дело в том ужасном боссе, который у меня был, разве не так?» Или это может быть попытка добиться легитимации девиантного целедостиженческого выхода, скажем, сексуальной перверсии. Наконец, это может быть (и часто бывает) попытка определить солидарность врача с пациентом девиантным образом: подорвать его поддержку открытым антагонизмом, который, как ожидается, будет встречен полной взаимностью, или предложить фамильярный тип солидарных отношений, в то время как на самом деле лишь «профессиональные» отношения являются легитимными.

Наконец, в рамках, заданных этими другими тремя аспектами (features) социального контроля, врач действует как «нормальный» агент процесса научения *посредством манипуляции вознаграждениями*. Способы, коими он может действовать, жестко ограничены названными аспектами его роли. Он не должен выдавать ни вознаграждений, ни наказаний, которые исказались бы так, что подрывали бы его роль в любом из этих трех аспектов. Но в этих пределах он может одобрять, порицать и исполнять любые [другие] уместные санкции. Особенно большое значение имеют санкции одобрения и уважения (esteem), в силу профессионального характера [обсуждаемого] отношения.

Возможность того, что врач и пациент конституируют девиантный подколлектив, в котором будут взаимно подкреплять друг друга в паттер-

нах ориентации, расходящихся с паттернами окружающего общества, указывает на важность институционализации роли врача и комплиментарной [ей] роли пациента. Именно эта институционализация поддерживает *систему рычагов* для изменения порочного круга девиантности и возвращение к нормально уравновешенному социальному взаимодействию. Врач легитимирует свой отказ отвечать взаимностью на ожидания пациента не только своим «личным влиянием», но и *институциональным авторитетом*. Именно потому, что *оба* занимают институционализированные статусы, терапия может работать. Сочленение структуры этих статусов с динамикой процесса взаимодействия должно быть в данном случае ясным.

Может быть полезно соединить это относительно конкретное описание терапевтического процесса как прототипа процесса социального контроля с выдвинутой нами более техничной концептуальной схемой, дабы попытаться детально проследить его под углом зрения рисунков 2 и 4.

В силу центрального места аспекта напряжения в кумулятивной, или порочно-круговой девиантности (которую мы, с надлежащими оговорками, приравниваем в личностной системе к «душевному расстройству»), мы исходим из допущения высокого напряжения в клетке L у пациента как эго.

В первой фазе отношения «врач—пациент» основной упор делается на потворство. Потворство (пассивность — позволение пациенту говорить — воздержание от санкций) со стороны альтер (врача) дополняет сильнейшую исполнительную потребность эго (пациента), а именно в снятии напряжения. Такая деятельность — как мы заключаем из логики баланса между действием и реакцией — непосредственно повышает потребность эго в некоторого рода реактивных санкциях и, вместе с тем, его чувствительность к оценочным мнениям альтер. У пациента начинает выстраиваться сильная потребность в аффективной, партикуляристской связи с врачом (иначе говоря, начинает устанавливаться перенос), и фокус внимания пациента начинает смещаться в измерение (или клетку) I.

Примечательно, что движение в измерении A здесь минимизируется, а движение в измерении I максимизируется. Одна из главных задач пациента состоит в легитимации целедостиженческих (goal-gratification) ориентаций эго, на которые несомненным образом влияют мнения альтер. Потворство альтер в отношении снятия напряжения эго должно быть связано в парадигме терапевтического контроля с постановкой двух фундаментальных для эго вопросов: (1) об основе его солидарности с альтер, агентом этого решающего благодеяния, и (2) о его статусе в свете мнений альтер.

Теперь нас занимает клетка I, в которой поддерживающему отношению соответствует максимизация интегративной фазы. Здесь мы полагаем, что в рамках, соответствующих институциональному определению отношения, альтер будет поддерживать эго в более широких пределах, нежели принятые «в нормальном случае». Эта поддержка внушает эго мысль, что он и альтер привязаны к общим моральным интегративным стандартам, как это обычно бывает с людьми в солидарном коллективе; а то, что альтер не допускает нелегитимных предложений или несогласия — или незаконного согласия, — поднимает, в свою очередь, вопрос об оценочном статусе предложений, в отношении которых эго ожидает принятия со стороны альтер.

Итак, мы видим, что с точки зрения баланса входа—выхода в этих двух аспектах эго выигрывает в снятии напряжения и безопасности, но делает это *ценой* поднятия «неудобных» вопросов о (1) связях между потворством и поддержкой со стороны альтер, которые не могут быть *оба* мотивированы лишь «хождением» альтер «на поводу» у желаний эго, и о (2) связи между солидарностью и потворством альтер и статусом предложений эго.

В свете вины и/или стыда эго по поводу снятия напряжения и своих незаконных предложений, а также *отсутствия* антагонизма и осуждающего мнения, интерес эго начинает переключаться на содержание и нормативное оправдание его предложений.

Теперь перейдем к клетке G с первичной фокусировкой роли альтер, или терапевта, на *отказе во взаимности*, т.е. [на отторжении] предложений эго, поскольку они определяются как девиантные. Следует заметить, что это в *первую* очередь отказ в отклике—вознаграждении, в том числе, как мы предполагаем, в гратификации от должной наказанности за агрессивный акт. Здесь реально начинает ощущаться цена таких благодеяний, как потворство и поддержка. «Нелогичные» ожидания, которым способствуют эти установки, начинают фрустрироваться. Одним словом, пациент «попадает в капкан». Он не может оправдать свои девиантные предложения, так как врач не лишил его покровительства и поддержки; вместе с тем они и не гратифицируются, так что напряжение, вместо того, чтобы перманентно падать, нарастает снова.

Где-то здесь в фазовом процессе появляется оптимальная возможность для вхождения процессов научения. Здесь роль врача состоит в манипуляции вознаграждениями, т.е. в закреплении «ориентированного на реальность» адаптивного инструментального исполнения эго с целью вызвать изменение в паттерне качества эго (его «личности»), а через него — и в характере терапевтического отношения *как социальной системы*.

Из этой парадигмы можно заключить, что одобрение по-настоящему ценимого достижения – в обращении эго со своими «проблемами» – есть центральное вознаграждение, приносящее не только благоприятное мнение, но и *согласие*, т.е. позитивную реакцию в признании прогресса. Между тем специфичность и нейтральность этого согласия, присущего профессиональной взаимосвязи, входят в резкое противоречие с диффузными аффективными легитимацией и принятием, которые прежде ожидалось эго в ответ на его *незаконные* предложения. Вторая важнейшая санкция, которой манипулирует врач, – это, как мы полагаем, уважение (*esteem*), которое служит условием солидарности на новой основе, [состоящей в том], что эго «выздоровливает» и что судить о нем можно по полноценным стандартам более широкой общей культуры, а не просто как о «больном». Мнения альтер уже не благосклонны лишь в смысле потворства; они благосклонны и в позитивном смысле.

Итак, мы видим, что в начальных фазах терапевтическое отношение *фактически* является условно легитимированной девиантной субкультурой. Роль врача первоначально ориентирована на нормы роли больного, а затем во все большей степени ориентируется на нормы более широкой культуры. Однако именно это укоренение в более широкой ценностной системе, как мы заметили выше, дает роли врача ее власть. В некотором смысле, который мы обсудим в следующем параграфе, это *репрезентативная* роль. В силу этого решающее значение имеет то, что в более широкой системе, подсистемой которой является коллектив «врач–пациент», роль врача должна быть ролью, *ориентированной на коллектив* (см. прим. 4).

Легко, отталкиваясь от этого, показать, как приведенный выше анализ терапевтической роли может быть генерализован так, чтобы охватить все основные аспекты механизмов социального контроля, поскольку они релевантны разрушению порочных кругов кумулятивной девиантности. Но места для этого у нас нет, а потому можно отослать читателя к примерам, предложенным в последнем параграфе главы 7 «*Социальной системы*», дабы он, опираясь на них, провел собственный анализ. Напомним, что это были молодежная культура в нашем обществе, похоронные церемонии и ситуации, ведущие к кумулятивному отчуждению от политического режима.

В отличие от прежних трактовок процесса терапии и, следовательно, работы механизмов социального контроля вообще, в приведенном описании содержатся два новых элемента. Это, во-первых, связь четырех компонентов парадигмы с последовательностью фаз процесса взаимодействия *во времени* и, во-вторых, осознание того, что эта связь могла бы быть выстроена и в том случае, если бы порядок следования фаз был

обратным тому, на котором мы первоначально остановили наше внимание и который Бейлз нашел типичным для процессов решения задач в малой группе. В рамках нашей парадигмы этот порядок фаз начинается с латентности, затем движется к фазе системной интеграции, фазе достижения цели системы и, наконец, к адаптивной фазе.

Как только мы достигли этого понимания, оно логически совместилось с тем фактом, который мы выше подчеркивали, а именно, что в процессах исполнения и процессах научения есть противоположность направленности; в конце концов, обращение вспять порочных кругов девиантности включает в себе процессы научения. Но как только эта связь была установлена, мы принялись искать другие случаи процессов научения, к которым этот анализ мог бы быть применен. Приведем для иллюстрации еще один удивительный пример, а именно: паттерн основных фаз социализации ребенка, особенно поскольку он стандартизировался в мышлении под влиянием психоанализа.

Следуя психоаналитической терминологии, но при этом не вдаваясь в объяснение более тонких различий, первую фазу можно назвать «оральной зависимостью». В ней ребенок играет пассивную роль, и его деятельность характеризуется в первую очередь снятием напряжения, если gratификацию его потребностей в пище и т.п. можно рассматривать таким образом. Роль родителя становится состоящей прежде всего в *заботе о* ребенке, в смысле действия в качестве агента этих процессов снятия напряжения.

С некоторой стабилизацией уровней gratификации в этом отношении и, стало быть, ожиданий касательно периодичности, агентов удовлетворения (*агенсу*) и т.п. происходит постепенный переход ребенка от зависимости от материнской *заботы о* нем к зависимости от ее *заботливости к* нему, в смысле взаимного любовного отношения между ними. Ребенок оказывается инкорпорирован в солидарный коллектив с матерью, в котором первичную значимость имеет системно-интегративная деятельность, осуществляющаяся через взаимное проявление нежности, т.е. солидарности. Исходя из задач этого краткого очерка, мы можем перескочить через «анальную» фазу, хотя она видится как переход между этими двумя типами зависимости.

В интерактивной системе, установившейся между матерью и ребенком, содержатся, однако, некоторые элементы нестабильности, которые связаны с последствиями процесса взросления ребенка, с ролью отца и с ожиданиями матери относительно того, что «подрастающему ребенку» следует делать. Во всяком случае, Эдипов кризис, видимо, возникает в точке перехода между этой системно-интегративной фазой, где солидар-

ное отношение с матерью является первичным фокусом в системе ориентации ребенка, и следующей фазой. Примечательно, что здесь его нежное чувство к матери, включая эротический его компонент, должно быть подчинено требованиям участия в достижении цели системы, которое мы можем истолковать как функцию семьи как системы, включающей в первую очередь отца и во вторую очередь сиблингов. В сущности, можно говорить о позитивном аспекте этой новой фазы как об ответственном участии в интерактивной системе в соотношении с целями системы, а негативный ее аспект [истолковать] как «латентность» прежней системы системно-интегративных потребностей с ее эротическим компонентом. Стало быть, это фаза латентности во фрейдовском смысле.

Наконец, есть постепенный процесс эмансипации от ориентационной семьи, который достигает своей наивысшей точки в подростковом возрасте, когда первостепенным критерием «адекватности», т.е. стабильного состояния взаимодействия, становится автономия адаптивных ориентаций. Здесь мы можем сказать, что ребенок становится автономно адаптированным к той же внесемейной социальной среде, к которой пришлось адаптироваться в более широком обществе самой семье.

На простоту очерченного таким образом фазового паттерна, как мы в полной мере сознаем, накладываются разные осложняющие обстоятельства. Важнейшее из них заключается в том, что социальное, т.е. интерактивное, участие ребенка в системе не остается постоянным на протяжении всего процесса, а являет собой прогрессию от первоначального преобладания подсистемы «мать—ребенок» к супружеской семье в целом и, наконец, к участию в более широком обществе. Но даже при подобном усложнении соответствие нашего фазового паттерна (в перевернутом его варианте) столь хорошо установленному порядку, как процесс развития ребенка, настолько удивительно, что мы желаем привлечь внимание к нему как к отправной точке в анализе усложнений, которые, разумеется, присутствуют.

Примечания

1. Чтобы показать поведение альтер в области задач, понадобился бы еще один подобный рисунок, на котором «эго» и «альтер», как они изображены на этом рисунке, поменялись бы местами. — *Прим. перев.*
2. Именно это пытается систематически сделать Бейлз с помощью своих вероятностных моделей, описанных выше в главе 4. — *Прим. перев.*
3. Известный психоаналитик д-р Грет Бибринг (в устном обсуждении) устанавливает три основных критерия «душевного здоровья», которые могут использоваться для суждения о том, насколько продвинулось лечение. Это способность работать, способность любить и способность наслаждаться. Поразительно, как это созвучно нашему анализу. Способность работать можно истолковать как нормальные адаптивные паттерны в фазе 1, способность

любить — как нормальные интегративные паттерны в фазе 3, а способность наслаждаться — как нормальные паттерны целевой GRATIFICATION в фазе 2. Существенные недостатки во всех трех направлениях, видимо, означают сосредоточение действия в фазе 4: колебания между вынужденным латентным торможением и неуместным снятием напряжения через «отреагирование». — *Прим. перев.*

4. В «Социальной системе» терапевтическое отношение анализируется не только в главе 7, но и более полно в главе 10. — *Прим. перев.*

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). Наш постоянный автор.
